

Кауфман Александр Аркадьевич

**Сибирское переселение на
исходе XX века**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Аркадьевич К.**
Сибирское переселение на исходе XX века / Кауфман Александр Аркадьевич –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 105 с.

ISBN 978-5-519-88686-4

ISBN 978-5-519-88686-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

разработанныя данныя и высказанныя мнѣнія. Вообще, центръ тяжести книги не въ этихъ фактическихъ, бытовыхъ вопросахъ; несмотря на свое широкое заглавіе и на широко поставленную въ предисловіи задачу, книга является обзоромъ не столько „колонизации Сибири“, сколько колонизаціонной политики русскаго правительства, — и въ этомъ именно заключается ея значеніе, выдвигающее ее изъ ряда обычныхъ выставочныхъ изданій: характеристика какъ послѣдовательныхъ смѣнъ переселенческой политики въ теченіе XIX столѣтія, такъ и въ особенности — современнаго періода этой политики дается на основаніи очень добросовѣстной и достаточно полной сводки обширнаго оффиціального матеріала, трудно доступнаго или даже вовсе недоступнаго не только для широкой публики, но даже для большинства лицъ, прикосновенныхъ къ переселенческому дѣлу или специально имъ интересующихся. Разсматриваемая книга представляетъ собою, въ данномъ отношеніи, единственный въ своемъ родѣ источникъ для ознакомленія съ ходомъ и настоящимъ положеніемъ переселенческаго дѣла и послужить цѣннымъ пособіемъ для будущаго историка русскихъ переселеній. Значеніе книги не умаляется и нѣсколько оптимистическимъ тономъ, которымъ — какъ отмѣчалось въ нѣкоторыхъ рецензіяхъ ¹⁾ — окрашено изложеніе и который является необходимою принадлежностью оффиціальныхъ изданій подобнаго рода: оптимизмъ автора нигдѣ не идетъ въ ущербъ фактической точности изложенія; если же для читателя, — какъ отмѣчалось рецензентами — остается иногда неяснымъ, въ какія формы выливались въ дѣйствительности тѣ или другія изъ принимавшихся въ интересахъ переселенія мѣръ, — то это обстоятельство слѣдуетъ отнести не столько на счетъ оптимизма автора, сколько на счетъ недостаточности, а главное — слишкомъ случайнаго характера данныхъ, которыми можно было бы располагать въ настоящее время для всесторонней оцѣнки дѣйствительнаго значенія принимавшихся мѣръ.

Существеннымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнной книгѣ является изданный министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ, при ближайшемъ участіи пишущаго эти строки, „Очеркъ работъ по заготовленію переселенческихъ участковъ“ за время съ 1893 по 1899 годы, также изданный и во французскомъ извлеченіи подъ заглавіемъ „Aperçu historique des travaux d'arpentage et т. д.“. Этотъ обзоръ, къ которому приложенъ полный списокъ переселенческихъ участковъ съ данными о ихъ размѣрахъ, свойствахъ и объ ихъ заселеніи, представляетъ собою объемистую работу, которая, однако, въ виду ея крайне спеціального характера, едва-ли можетъ представить интересъ для сколько-нибудь широкой публики и который прочтется развѣ

¹⁾ „Народное хозяйство“, 1900 г. № 8, стр. 157, рецензія г. В. В.

только лицами, имѣющими ближайшее отношеніе къ дѣлу водворенія и земельного устройства переселенцевъ, а затѣмъ—дать будущимъ историкамъ переселенческаго дѣла и русской поземельной политики немало цѣннаго, въ значительной мѣрѣ архивнаго, матеріала. Болѣе общій интересъ представляетъ только шестая, послѣдняя глава „Очерка“, въ которой подведены итоги землеотводныхъ работъ за весь періодъ 1893—1899 годовъ и сдѣланъ опытъ статистической разработки данныхъ о размѣрахъ, свойствахъ и заселеніи участковъ. Нѣкоторые изъ получившихся здѣсь любопытныхъ выводовъ будутъ нами использованы въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Дальнѣйшія изданія, которыхъ мы должны коснуться, имѣютъ уже исключительно характеръ сборниковъ сырого матеріала. Изъ этихъ изданій назовемъ, прежде всего, результаты той статистики переселенческаго движенія, которая съ 1894 года ведется въ Челябинскѣ, этомъ главномъ пріемномъ или, точнѣе, проходномъ пунктѣ для сибирскихъ переселенцевъ. Регистрація переселенцевъ, проходящихъ въ Сибирь, обратныхъ, а также ходоковъ, идущихъ въ Сибирь и изъ Сибири, ведется въ Челябинскѣ двоякимъ способомъ: прежде всего, каждый переселенецъ или ходокъ опрашивается въ канцеляріи переселенческаго чиновника, завѣдующаго челябинскимъ пунктомъ, по краткой программѣ, охватывающей слѣдующіе вопросы: для переселенцевъ и ходоковъ идущихъ въ Сибирь—мѣсто причисленія, направленіе переселенія, составъ семьи съ подраздѣленіемъ по полу и двумъ возрастнымъ группамъ, наличность или отсутствіе разрѣшенія на переселеніе, количество земли и скота на родинѣ, количество багажа, путевыя издержки до Челябинска, и, наконецъ,—обстоятельства, побудившія на переселеніе. У возвращающихся изъ Сибири спрашивается мѣсто причисленія на родинѣ и мѣсто, откуда возвращаются, составъ семьи, наличность или отсутствіе разрѣшенія на переселеніе, продолжительность пребыванія въ Сибири и причины возвращенія. Независимо отъ этой такъ называемой „общей регистраціи“, въ Челябинскѣ ведется еще и другая, болѣе подробная статистическая регистрація. Возникнувъ первоначально въ Тюмени, по инициативѣ отряда студентовъ-медиковъ, приглашеннаго въ 1893 году для подаванія медицинской помощи переселенцамъ, регистрація эта ведется особо приглашаемыми статистиками по чрезвычайно, даже до излишества, подробной программѣ, состоящей изъ бланка для опроса переселенческихъ партій и изъ трехъ карточекъ: для переселенческихъ семей, идущихъ въ Сибирь, для обратныхъ переселенцевъ и для ходоковъ, которые опрашиваются и въ передній, и въ обратный путь. Я позволилъ себѣ назвать программы „до излишества подробными“: я сомнѣваюсь именно въ томъ, чтобы до крайности детальныя данныя, которыя заносятся въ карточки

статистического опроса, были когда-либо использованы сколько-нибудь исчерпывающимъ образомъ. А между тѣмъ, благодаря подробности программъ, опросъ каждой семьи требуетъ столько времени, что статистики не имѣютъ возможности опрашивать всѣхъ переселенцевъ, а опрашиваютъ лишь столько, сколько удастся опросить въ теченіе того времени, которое переселенческимъ партіямъ приходится проводить въ Челябинскѣ въ ожиданіи возможности попасть на поѣздъ. Опросить удастся, очевидно, тѣмъ меньшую часть проходящихъ переселенцевъ, чѣмъ большая масса ихъ скопляется, въ каждое данное время, въ Челябинскѣ, благодаря чему въ опросномъ матеріалѣ далеко неравномѣрно представлены проходящіе въ разное время года группы переселенцевъ, а слѣдовательно и выводы, могущіе быть сдѣланными на основаніи этого матеріала, лишь съ извѣстными оговорками могли-бы быть распространяемы на всю переселенческую массу; въ общихъ же за цѣлыя переселенческія кампаніи итогахъ было опрошено: въ 1895-году—6,898 семей или 57,3%, въ 1896 г.—4,340 семей или всего 15,3% общаго числа переселенческихъ семей, прошедшихъ черезъ общую регистрацію. Благодаря—надо думать—той же чрезмѣрной подробности программъ, при ограниченности средствъ, отпущенныхъ на разработку, результаты какъ общей регистраціи переселенцевъ, такъ и статистическаго опроса (послѣдніе лишь частью), опубликованы до настоящаго времени лишь за 1895 и 1896 годы, данныя же партіоннаго опроса, равно какъ и значительная часть данныхъ, занесенныхъ на статистическія карточки переселенцевъ и ходоковъ, и посейчасъ не опубликованы даже за названные только что, уже достаточно удаленные отъ настоящаго времени, годы.

Появившіеся въ печати результаты общей регистраціи переселенцевъ на челябинскомъ пунктѣ ¹⁾ представляютъ собою, за каждый годъ, небольшую книжку съ слѣдующими основными таблицами: о состояніи хозяйства переселенцевъ на родинѣ (38 графъ), о распредѣленіи переселенческихъ семей по числу душъ, количеству багажа, мѣсту вселенія, характеру свѣдѣній, побудившихъ на переселеніе, и времени прибытія въ Сибирь (87 графъ); объ обратныхъ переселенцахъ, съ показаніемъ мѣстъ, откуда они возвращаются, продолжительности пребыванія въ Сибири и причинъ обратнаго переселенія; о ходокахъ, прошедшихъ въ Сибирь, съ подраздѣленіемъ на ходоковъ отъ семей и отъ партій и съ показаніемъ числа душъ, представителями которыхъ являлись ходоки, мѣстъ, куда они шли на поиски, и времени прохожденія черезъ Челябинскъ; наконецъ, о ходокахъ, возвращающихся изъ Сибири, съ показаніемъ мѣстностей, гдѣ были про-

¹⁾ „Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, извлеченный изъ книгъ общей регистраціи переселенцевъ, проходившихъ черезъ Челябинскъ въ такомъ-то году“.

изведены поиски, результата этих послѣднихъ, а для ходоковъ, не зачислившихъ за собою земли—причинъ подобной неудачи. Во всѣхъ таблицахъ переселенцы и ходоки сгруппированы по губерніямъ, районамъ и полосамъ Европейской Россіи и по наличности или отсутствію законнаго разрѣшенія на переселеніе. Результаты статистическаго опроса представляютъ собою для каждаго года довольно толстый томъ ¹⁾. Основною здѣсь является таблица, въ которой подробнѣйшимъ образомъ (470 графъ) разработаны данныя о составѣ переселенческихъ семей, грамотности, живомъ и мертвомъ инвентарѣ, землевладѣніи, арендѣ (этому вопросу посвящено болѣе ста графъ), земледѣліи, промыслахъ, продовольствіи, платежахъ и недоимкахъ и кредитѣ,—причемъ переселенческія семьи сгруппированы по мѣстамъ выхода, разрядамъ крестьянъ и по характеру землепользованія. За этою основною, непропорціонально разросшеюся таблицею слѣдуетъ комбинаціонная таблица, въ которой важнѣйшія данныя, характеризующія составъ и благосостояніе переселенческихъ семей, разработаны въ комбинаціи съ рабочею силой и размѣрами землевладѣнія; таблица съ данными объ условіяхъ и результатахъ ликвидаціи земли и имущества и о расходахъ по сборамъ на переселеніе; таблица съ данными о составѣ переселявшихся семей, характерѣ свѣдѣній о новыхъ мѣстахъ, количествѣ багажа, путевыхъ расходахъ, задержкахъ, заболѣваемости и смертности въ пути. Наконецъ, особыя, сравнительно небольшія таблицы посвящены обратнымъ переселенцамъ и ходокамъ; первые характеризуются по семейному составу, степени благосостоянія, достигнутой въ Сибири, размѣру денежныхъ средствъ, взятыхъ съ собою съ родины и принесенныхъ въ Сибирь, характеру свѣдѣній, побудившихъ на переселеніе, и съ особенною подробностью — по имущественному положенію до переселенія въ Сибирь; для ходоковъ пока напечатаны только свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи ихъ семей по гораздо болѣе краткой программѣ, нежели по какой соотвѣтственныя данныя разработаны для семейныхъ переселенцевъ.

Изъ сдѣланнаго краткаго перечня содержанія таблицъ читатель видитъ, какую массу матеріала для характеристики переселенцевъ и переселенческаго движенія даютъ и общая регистрація, и статистическій опросъ переселенцевъ. Нельзя не пожелать, чтобы руководителямъ этого дѣла удалось довести до конца изданіе результатовъ статистическаго опроса,—а главное, чтобы лица, руководившія регистраціей и опросомъ, не ограничились изданіемъ таблицъ, а дали также и научную разработку содержащагося въ нихъ фактическаго матеріала: въ виду громоздкости этого послѣдняго, трудно ожидать, чтобы

¹⁾ „Цифровой матеріалъ для изученія переселеній въ Сибирь, собранный въ такомъ-то году статистическимъ переселенческимъ отрядомъ подъ руководствомъ Г. А. Пріймака“.

онъ былъ съ надлежащею полнотою разработанъ кѣмъ-либо инымъ, кромѣ лицъ, вложившихъ свою душу въ организацію опроса и подсчета опроснаго матеріала, и притомъ—что особенно важно—едва ли кто либо, кромѣ этихъ именно лицъ, въ состояніи правильно установить взаимное отношеніе между дополняющими и контролирующими другъ друга данными общей регистраціи и данными статистическаго опроса переселенцевъ.

Существеннымъ дополненіемъ къ разсмотрѣнному только-что изданію, является предпринятое, по инициативѣ статсъ-секретаря Куломзина, изданіе канцеляріи комитета министровъ — „Статистическія данныя по переселенческому дѣлу въ Сибири“; до настоящаго времени появилось два выпуска этого изданія: въ 1899 году — со свѣдѣніями за 1897 годъ, и въ 1900 году—со свѣдѣніями за 1898 годъ. Публикуемая здѣсь свѣдѣнія распадаются на три отдѣла; движеніе переселенцевъ и ходоковъ въ Сибирь и обратно; устройство и матеріальное благосостояніе переселенцевъ въ Сибири, и выдача переселенцамъ ссудъ. Данныя о переселенческомъ движеніи представляютъ собою результаты предварительнаго подсчета данныхъ той самой „общей регистраціи“ переселенцевъ, которая затѣмъ, въ болѣе полной разработкѣ, даетъ матеріалъ для спеціальнаго изданія, охарактеризованнаго на предыдущихъ страницахъ; въ этотъ подсчетъ совершенно не входятъ данныя, могущія служить для характеристики хозяйственнаго положенія переселяющихся; ходаческое и переселенческое движеніе характеризуется лишь съ точки зрѣнія мѣстъ выхода, наличности или отсутствія разрѣшенія, направленія движенія, для ходоковъ—съ точки зрѣнія результата произведенныхъ поисковъ, а для обратныхъ переселенцевъ и ходоковъ, не зачислившихъ за собою земли, — въ отношеніи причинъ, обусловившихъ неудачу переселенія или ходачества. Сравнительно меньшая подробность подсчета данныхъ о движеніи переселенцевъ и ходоковъ съ избыткомъ искупается болѣею своевременностью выхода въ свѣтъ изданія канцеляріи комитета министровъ, которое на цѣлыхъ два года опережаетъ спеціальное изданіе результатовъ челябинской регистраціи и такимъ образомъ даетъ матеріалъ гораздо болѣе свѣжій и пригодный для пользованія. Меньшее значеніе имѣютъ, по моему мнѣнію, объемистыя таблицы, имѣющія цѣлью обрисовать устройство и матеріальное благосостояніе переселенцевъ въ Сибири. За 1897 годъ такія таблицы были напечатаны: нѣкоторыя—по 669 поселкамъ, другія по 454, 241 и 221 поселку. За 1898 годъ разработаны и изданы свѣдѣнія по 2,026 переселенческимъ поселкамъ съ 99,855 дворами и болѣе нежели полумилліономъ жителей, т. е. по всѣмъ безъ исключенія поселкамъ, образованнымъ въ Сибири и Степномъ краѣ, не исключая Алтайскаго округа и Уссурийской окраины. Свѣдѣнія эти разработаны въ видѣ

слѣдующихъ главнѣйшихъ таблицъ: прежде всего идетъ „вѣдомость о водвореніи“ переселенцевъ, съ показаніемъ, по каждому поселку, годовъ заселенія, числа дворовъ, населенія съ подраздѣленіемъ по полу, числа головъ главнѣйшихъ видовъ скота, количества земледѣльческихъ орудій и земли подъ посѣвомъ. „Вѣдомость о матеріальномъ благосостояніи переселенцевъ“ сообщаетъ данныя о числѣ семей съ распредѣленіемъ по отсутствію или наличности жилища, постоянного или временнаго, по количеству лошадей и рогатаго скота, по наличности или отсутствію мелкаго скота, земледѣльческихъ орудій и вообще самостоятельнаго хозяйства, а также данныя о размѣрахъ посѣвной площади; всѣ эти данныя приводятся въ поволостныхъ итогахъ, но за то переселенческіе дворы сгруппированы по времени прибытія переселенцевъ. Третья вѣдомость, составленная уже въ поуѣздныхъ итогахъ, но опять-таки съ распредѣленіемъ переселенческихъ семей по времени прибытія, даетъ свѣдѣнія о сравнительномъ матеріальномъ благосостояніи переселенцевъ на родинѣ и въ Сибири, именно о числѣ семей, имѣвшихъ лошадей, рогатый скотъ, мелкій скотъ, земледѣльческія орудія и самостоятельное хозяйство, и о количествѣ тѣхъ лошадей, рогатаго и мелкаго скота и земледѣльческихъ орудій, которыми эти переселенцы располагали на родинѣ,—и соотвѣтственныя цифры, характеризующія благосостояніе переселенцевъ на мѣстѣ новаго водворенія.

Въ количественномъ отношеніи эти данныя представляютъ собою, въ настоящее время, единственный въ своемъ родѣ цифровой матеріалъ для характеристики результатовъ сибирскаго переселенія: въ то время, какъ всѣ производившіяся до сихъ поръ статистическія описанія переселенческихъ поселковъ распространялись лишь на тѣ или другіе, болѣе или менѣе незначительные, раіоны и охватывали въ каждомъ раіонѣ небольшое число тысячъ переселенческихъ дворовъ (только въ Алтайскомъ округѣ число переписанныхъ переселенческихъ дворовъ доходитъ до 18 тыс.),—причемъ изслѣдованія въ отдѣльныхъ раіонахъ производились по разнообразнымъ программамъ, сильно затрудняющимъ подведеніе итоговъ и сопоставленіе данныхъ по различнымъ раіонамъ, — здѣсь мы имѣемъ дѣло съ цифровымъ матеріаломъ, охватывающимъ всѣ существовавшіе въ 1898 году переселенческіе поселки, собраннымъ по одной программѣ и притомъ приуроченнымъ къ одному моменту, — слѣдовательно, допускающимъ подведеніе общихъ для всей массы сибирскихъ переселенцевъ итоговъ. По своей внутренней цѣнности собранный матеріалъ не выдерживаетъ, однако, сравненія съ данными, собиравшимися въ разныхъ мѣстностяхъ Сибири путемъ мѣтнаго экспедиціоннаго изслѣдованія: какъ видно изъ предисловія къ изданію канцеляріи комитета министровъ за 1898 годъ, свѣдѣнія собирались „пу-

темъ разсылки черезъ губернаторовъ крестьянскимъ начальникамъ особыхъ бланковъ вѣдомостей“. Другими словами, свѣдѣнія получались обычнымъ канцелярскимъ путемъ, причемъ едва ли можно думать, чтобы крестьянскіе начальники, обремененные самыми разнообразными служебными обязанностями, лично собирали данные для заполнения присланныхъ имъ вопросныхъ листковъ; до всей вѣроятности, они обращались къ обычному источнику официальной статистики—къ волостнымъ старшинамъ и писарямъ. Какимъ способомъ эти послѣдніе добывали требовавшіяся отъ нихъ свѣдѣнія,—на это нѣтъ прямыхъ указаній. Но независимо уже отъ того, что волостные писаря и вообще являются ненадежнымъ органомъ для статистическихъ опросовъ,—самая постановка вопросовъ едва ли способна была облегчить полученіе правильныхъ и удобосравнимыхъ отвѣтовъ: такіе термны, какъ „постоянное“ и „временное жилище“ и въ особенности—„самостоятельное хозяйство“, допускаютъ самое разнообразное пониманіе; на правильные отвѣты по соответственнымъ вопросамъ было бы, поэтому, трудно разсчитывать даже въ томъ случаѣ, если бы свѣдѣнія собирались опытными въ статистическомъ опросѣ регистраторами,—для волостныхъ же писарей и тому подобныхъ случайныхъ и недостаточно интеллигентныхъ регистраторовъ доставленіе по этимъ вопросамъ достаточно удобосравнимыхъ свѣдѣній было, какъ намъ кажется, совершенно непосильною задачею.

Наконецъ, третья часть опубликованнаго канцеляріей комитета министровъ цифроваго матеріала, какъ упомянуто, касается выдачи переселенцамъ ссудъ. Кромѣ небольшихъ табличекъ, посвященныхъ выдачѣ путевыхъ ссудъ, мы находимъ здѣсь, прежде всего, вѣдомость объ общей выдачѣ ссудъ на мѣстахъ водворенія, въ которой приведены, по каждому поселку особо (а всего по 1,068 поселкамъ), данные о числѣ семей, получившихъ и не получившихъ ссудъ, и объ общей суммѣ выданныхъ ссудъ, безъ подраздѣленія по категоріямъ; затѣмъ, въ поволостныхъ итогахъ приведены данные о распредѣленіи ссудъ, выданныхъ въ 1898 году, по предметамъ назначенія (ссуды на домообзаводство, на посѣвъ и продовольствіе и на сооруженіе жилищъ), и, наконецъ, въ особой таблицѣ, въ поволостныхъ же итогахъ, приведены отдѣльно данные о ссудахъ, выданныхъ переселенцамъ прежнихъ лѣтъ и переселенцамъ отчетнаго 1898 года, а также данные о распредѣленіи получавшихъ ссуды семей по общему размѣру полученныхъ ссудъ всѣхъ видовъ и наименованій.

Мы совершенно не задаемся цѣлью исчерпать въ настоящемъ очеркѣ богатаго фактическаго матеріала, заключающагося въ той серіи изданій, содержаніе которой мы обозрѣли на предыдущихъ

страницахъ; это было-бы совершенно невозможно сдѣлать въ сколько-нибудь тѣсныхъ рамкахъ, потому что, напримѣръ, полная разработка однѣхъ только данныхъ челябинской регистраціи могла бы составить содержаніе цѣлой книги. Намъ приходится поэтому выбирать между однимъ изъ двухъ путей: либо дать бѣглый обзоръ всего содержанія интересующихъ насъ изданій и главнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ можно прійти на основаніи опубликованнаго матеріала,— либо остановиться на небольшомъ числѣ вопросовъ, но зато подвергнуть эти послѣдніе болѣе или менѣе детальной разработкѣ. Мы думаемъ, что поступимъ въ интересахъ читателя, если остановимся на этомъ послѣднемъ способѣ. Намъ представляется интереснымъ, прежде всего, представить читателю хотя и сжатую, но по возможности полную картину современнаго положенія переселенческаго дѣла, или точнѣе — переселенческой политики, въ томъ видѣ, въ какомъ эта послѣдняя обрисовывается по даннымъ, такъ полно сведеннымъ въ книгѣ «Колонизація Сибири». Но чтобы ярче отнѣнить характеръ современной переселенческой политики и дать понятіе о томъ рѣзкомъ переворотѣ, который знаменуютъ собою, въ данномъ отношеніи, законы и мѣропріятія послѣдняго десятилѣтія, мы считаемъ небезполезнымъ — пользуясь тою-же книгою — въ нѣсколькихъ бѣглыхъ штрихахъ охарактеризовать тѣ направленія въ области переселенческой политики, которыя смѣняли другъ друга въ теченіе предыдущихъ десятилѣтій XIX столѣтія. Мы не имѣемъ при этомъ въ виду сообщить читателю что-либо новое сравнительно съ тою характеристикой этихъ направленій, которая была представлена хотя бы, напр., въ нашей статьѣ «Къ вопросу о причинахъ и вѣроятной будущности русскихъ переселеній» ¹⁾; но намъ кажется небезынтереснымъ охарактеризовать взаимно-смѣнявшіяся направленія подлинными словами официального изданія, авторъ котораго располагалъ документальнымъ матеріаломъ безусловной достовѣрности.

Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на отношеніи правительства къ сибирскому переселенію до начала XIX столѣтія, достаточно сказать, что отношеніе это опредѣлялось почти исключительно однимъ соображеніемъ: государственною необходимостью въ заселеніи обширной, но пустынной сибирской окраины. Первые двѣ трети XIX столѣтія — все время съ 1799 до 1861 года — являются эпохой, „въ теченіе которой правительство переходило отъ прежней системы заселенія Сибири — главнымъ образомъ лишь въ интересахъ страны — къ новому направленію, при которомъ выгоды для заселяемаго края совмѣщались съ интересами самихъ колонизаторовъ ²⁾“. Последнимъ представителемъ стараго направленія являлся указъ

¹⁾ „Сборникъ правовѣднія и обществ. знаній“, т. VIII.

²⁾ „Колонизація Сибири“, стр. 93.

1799 года о заселеніи Забайкалья, вызванный исключительно политическою необходимостью развитія сношеній съ Китаемъ. Напротивъ, изданный по инициативѣ Сперанскаго указъ 1822 года о разрѣшеніи казеннымъ крестьянамъ всѣхъ губерній переселенія въ Сибирь являлся первымъ „выразителемъ зарождавшагося въ законодательствѣ новаго направленія, характеризовавшагося стремленіемъ предоставить большій земельный просторъ по крайней мѣрѣ той части населенія внутреннихъ губерній, которая въ своихъ поземельныхъ отношеніяхъ не была связана личною зависимостью отъ помѣщиковъ 1)“. Къ 40-мъ годамъ это направленіе нашло себѣ вполне определенное выраженіе въ дѣятельности учрежденнаго въ то время министерства государственныхъ имуществъ, давашаго весьма стройную и, въ общемъ, вполне удачную организацію дѣлу переселенія государственныхъ крестьянъ изъ сравнительно густо заселенныхъ мѣстностей на многоземельныя окраины Имперіи. Однако,—какъ отмѣчаетъ авторъ „Колонизаціи Сибири 2)“, „представленіе о желательности содѣйствія процессу естественнаго расселенія народа по государственной территоріи въ то время не успѣло еще вполне проникнуть въ сознаніе законодательныхъ сферъ“; послѣдовательное и широкое проведеніе въ жизнь этого принципа являлось результатомъ почти исключительно личныхъ воззрѣній и личной энергіи перваго министра государственныхъ имуществъ, графа П. Д. Киселева, памяти котораго профессоръ Исаевъ недаромъ посвятилъ свою книгу о переселеніяхъ. Стоило гр. Киселеву сойти со сцены,—и колонизаціонныя мѣропріятія правительства приостановились, а крестьянская реформа повлекла за собою, какъ извѣстно, рѣзкое измѣненіе въ принципіальныхъ воззрѣніяхъ правительства: дѣятельное сочувствіе дѣлу расселенія крестьянъ на государственной территоріи смѣняется „пассивнымъ и по существу даже отрицательнымъ отношеніемъ къ вопросу о крестьянскихъ переселеніяхъ 3)“. Это отрицательное отношеніе вытекало, до извѣстной степени, изъ господствовавшихъ въ то время манчестерскихъ воззрѣній на послѣдствія освобожденія крестьянъ, такъ сильно отразившихся на всемъ вообще крестьянскомъ законодательствѣ и правительственной политикѣ первыхъ послѣ освобожденія десятилѣтій: предполагалось, что „крестьяне, освобожденные изъ личной зависимости отъ помѣщиковъ и надѣленные землею, не будутъ нуждаться для поднятія ихъ благосостоянія въ прежней правительственной опекѣ, и что отдѣльныя лица сельскаго состоянія найдутъ возможность обезпечить свое существованіе наемнымъ трудомъ въ качествѣ сельскихъ рабочихъ въ случаѣ, если бы доходность ихъ земли оказалась

1) Стр. 64.

2) Стр. 93.

3) Стр. 96.

недостаточною для удовлетворенія ихъ потребностей ¹⁾“. Не безъ вліянія было также и опасеніе, чтобы дарованіе освобожденнымъ отъ крѣпостной зависимости крестьянамъ права переселенія на казенныя земли не привело къ развитію «вредной подвижности и бродяжничества въ сельскомъ населеніи»,—опасеніе, которое „раздѣлялось и большинствомъ помѣстныхъ владѣльцевъ, лишенныхъ послѣ 1861 года дарового труда крѣпостныхъ и поставленныхъ въ необходимость обращаться при обработкѣ своихъ земель къ наемному труду крестьянъ или сдавать свою землю въ аренду послѣднимъ же; при такихъ условіяхъ уходъ крестьянъ на многоземельныя окраины представлялся землевладѣльцамъ весьма нежелательнымъ, угрожая имъ возвышеніемъ цѣнъ на рабочія руки и уменьшеніемъ спроса на ихъ земли“.

✓ Такимъ образомъ, и господствовавшія теоретическія воззрѣнія, и—что, несомнѣнно, играло наиболѣе важную роль—насущныя интересы самаго вліятельнаго общественнаго класса одинаково побуждали правительство отрицательно относиться къ крестьянскимъ переселеніямъ,—и какъ законодательство, такъ и административная практика 60-хъ и 70-хъ годовъ всецѣло носятъ на себѣ отпечатокъ именно этого отрицательнаго отношенія. Но съ жизнью бороться трудно, — а между тѣмъ жизненныя условія послѣ освобожденія крестьянъ отнюдь не могли способствовать уменьшенію потребности къ переселенію; напротивъ — „теченіе народной жизни создавало условія, въ силу которыхъ потребность въ переселеніяхъ стала въ пореформенную эпоху ощущаться крестьянами съ постепенно возрастающею силою ²⁾“: обстоятельства, при которыхъ совершилось освобожденіе, „сдѣлали послѣдствія неправильнаго расселенія бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ еще болѣе чувствительными для послѣднихъ“. Если, поэтому, еще въ первой половинѣ XIX вѣка давало себя чувствовать, во многихъ мѣстностяхъ, извѣстное перенаселеніе (конечно относительное), — то въ пореформенную эпоху излишекъ населенія въ сравненіи съ ёмкостью территории „выступилъ съ особою интенсивностью, совершенно заслонивъ собою, въ качествѣ основной причины выселеній, остальные мотивы уходовъ крестьянъ за Уралъ, какъ-то: недовольство существующимъ правовымъ строемъ (бѣгство крѣпостныхъ крестьянъ), стремленіе къ религіозной свободѣ (переселенія раскольниковъ) и т. п.“ „Необходимость считаться съ постепенно обострившимся дѣйствіемъ малоземелья—резюмируетъ оффиціальное изданіе,—съ одной стороны, и опасеніе придать переселеніямъ нежелательныя для правительства размѣры, съ другой, составили тѣ основныя начала, которыми характеризовалось

¹⁾ Стр. 96.

²⁾ Стр. 97.